

Глава 21. У входа в Источник

Третья наложница шла к господину в надежде вызвать жалость, но вместо утешения получила резкую отповедь. Плач оборвался сам собой; всхлипывая и глядя на мужа опухшими глазами, она пролепетала:

— Четвёртый молодой господин ещё не достиг совершеннолетия... Такой удар... Боюсь, он не выдержит, воля его будет сломлена...

— Не достиг совершеннолетия? И что с того? — холодно прервал её Сян Динтянь. — Девчонок в его покоях больше, чем у кого-либо другого. Трое его старших братьев одержимы боевыми искусствами и не спешат заводить семьи, а он уже обзавёлся и наложницами, и парой детей — сыном и дочерью. Так что даже если он теперь и впрямь не сможет исполнять мужской долг, род на нём не прервётся.

— Господин! Ваши слова ранят меня в самое сердце!

Сян Динтянь взглянул на её заплаканное лицо. Эти несколько дней она, верно, не просыхала от слёз. Он знал, как сильно Цзиньчунь всегда баловала Сян Тяньцзюэ, и на мгновение в его душе шевельнулось нечто похожее на жалость или даже раскаяние. Но наложница продолжала:

— Пусть Четвёртый молодой господин не ровня Первому или Второму в науках и мастерстве, но он всё же ваша плоть и кровь! Его изувечил злодей, и если мы не проведём расследование, если позволим этому мерзавцу гулять на свободе, это же... это же возмутит всю семью!

Сян Динтянь пришёл в ярость. Гневно усмехнувшись, он процедил:

— Искать виновника по всему городу, поднимая шум на весь свет, нет нужды. Главные преступники, погубившие твоего сына, стоят прямо здесь, в этом кабинете!

Третья наложница застыла, поражённая до глубины души.

— Господин... о чём вы?

— Это ты потакала всем его капризам, и это я сквозь пальцы смотрел на его воспитание. Четвёртый молодой господин привык к безнаказанности, привык притеснять слабых и творить бесчинства. Я знал о каждом его проступке, хоть ты и молчала. Теперь он налетел на острый камень и получил по заслугам. Если искать корень зла, то истинные виновники — ты и я!

Цзиньчунь пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за край стола. Слёзы градом покатались по её щекам.

— Господин...

— Ради талантов Тяньхуна я всегда обеспечу вас куском хлеба, пока Четвёртый молодой господин не лезет на рожон. Другие сыновья — настоящие мужчины, и только этот никчёмный оболтус вечно влипает в истории, заставляя поместье Сян подтирать за ним грязь. Чем он заслужил такое снисхождение? — Маркиз Суи помрачнел, и он впервые за долгое время обратился к ней по имени: — Цзиньчунь. Если ты ещё способна мыслить здраво, наставь сына на верный путь. Пусть в доме воцарится покой — это единственное, что может сохранить наши прежние чувства.

Когда Третья наложница, утирая слёзы, ушла, управляющий Цзы Хэн осторожно постучал в дверь. Маркиз уже отложил книгу, а перед ним в ряд лежали пять Знаков Прорыва.

Поставив чашку чая, Цзы Хэн молча ждал. Сян Динтянь коснулся пальцами жетонов и тяжело вздохнул:

— Цзы Хэн, наверное, и ты считаешь меня жестокосердным. Пять никчёмных железок оказались мне дороже жизни собственного сына.

— Господин, Четвёртый молодой господин сам затянул петлю на своей шее, винить здесь некого, — мягко ответил управляющий. — Первый, Второй молодые господа и Старшая молодая госпожа добыли по знаку своими силами. Пятый молодой господин преподнёс ещё пять. Теперь, если не считать шестнадцати мест императорской семьи, какая сила сможет тягаться с поместьем Сян? Поход к Драгоценному источнику горы Цаньшань принесёт огромную выгоду и укрепит наше положение. И при дворе, и в мире боевых искусств с Маркизом станут считаться ещё больше. Если подумать, Пятый молодой господин хоть и проявил юношескую горячность, наказав брата, но в делах важных он мыслит здраво. Его заслуги с лихвой покрывают проступок.

Эти слова были именно тем, что Маркиз Суи хотел услышать. Напряжение в его лице сменилось едва заметным одобрением.

— Верно. Жаль только, что невежественные женщины способны лишь оплакивать то, что у них под носом, доводя меня до головной боли.

Чи Шэнь несколько дней ждал грозы из главного двора, но Сян Динтянь так и не пришёл в дворик Цютао с расправой. Понемногу успокоившись, он и вовсе выбросил историю с Четвёртым братом из головы, тем более что вскоре вернулся запылённый, но довольный Дао Цзун.

— Старый слуга отсутствовал полмесяца, и за это время случилось столько событий... Слава богам, всё обошлось.

Сян Тянью бережно держал в руках небольшую шкатулку из белой яшмы. В ней лежал Каменный цветок зыбучих песков, ради которого Дао Цзун проделал путь до самой северо-западной пустыни. Чи Шэнь, уже привыкший к чудодейственным пилюлям, но ни разу не видевший магических трав вживую, с любопытством потянулся к крышке.

Тянью не ожидал от вечно пассивного брата такой прыти и не успел его остановить. Едва крышка приоткрылась, на комнату обрушилась волна неистового жара! У Чи Шэня зарезало в глазах, кожа в миг стала сухой, как пергамент. Вскрикнув, он инстинктивно зажмурился и отпрянул. Когда же он снова открыл глаза, то увидел, как Дао Цзун и Тянью, вытянув пальцы, удерживают цветок в кольце из искажённого пространства, сдерживая его мощь.

Осознав свою оплошность, едва не приведшую к беде, Чи Шэнь густо покраснел. Тянью, впрочем, не сердился.

— Этот цветок рос под палящим солнцем, в нём сокрыта мощь предельного Ян. Нужно добавить несколько трав-посредников, чтобы ты смог его принять. Я в этом не силён, пусть Дао Цзун займётся.

Старик, не отдыхая ни минуты после долгой дороги, подхватил яшмовый ларец и направился к кухне варить снадобье.

— Северо-западная пустыня бескрайня... — пробормотал Чи Шэнь. — Найти там один цветок — всё равно что иголку в стоге сена. Да и путь от столицы туда и обратно занял бы у обычного человека месяцы. Дедушка Дао Цзун точно не птица?

— Кем бы ни был Дао Цзун, даже если я расскажу тебе всё, ты вряд ли поймёшь, — улыбнулся Тянью. — Он зовёт себя слугой, но на деле стоит выше миллионов. Наша встреча с ним — великая милость судьбы. Бао-эр, тайны небес нельзя раскрывать без нужды, знание этого тебе сейчас не поможет.

Чи Шэнь озадаченно кивнул и не стал спрашивать дальше. Вдруг за окном послышался хлопанье крыльев. Обернувшись, мальчик просиял:

— А-Лань! А-Лань вернулась!

Он подбежал к окну и впустил синюю птицу в комнату. Сян Тянью, глядя, как Чи Шэнь отвязывает письмо от лапки лазоревой певуньи, лишь покачал головой:

— Глупая птица. Пропадала столько времени — небось, заблудилась.

Чи Шэнь развернул узкую полоску бумаги. Она была исписана мелким, аккуратным почерком — судя по всему, писал деревенский старый учитель. Мальчик начал читать вслух:

«Брат Бао, ты долго не возвращаешься, дома все очень скучают. Матушка дважды плакала. У меня отобрали фонарь с золотой обезьяной, я из-за этого поднял шум и был жестоко побит отцом. Когда раны поджили, решил послать весточку. Молюсь, чтобы у тебя на чужбине всё было хорошо. Возвращайся поскорее. Не волнуйся о нас».

Голос Чи Шэня к концу письма дрогнул и сорвался. С тех пор как он попал в этот мир ради задания Академии, он убеждал себя, что семья Ван ему чужая. Он думал, что за годы так и не открыл им своё сердце, но стоило прочесть эти строки, как шесть лет совместной жизни, смеха и мелких ссор обрушились на него лавиной. В носу нестерпимо защипало.

Тянью тут же притянул его к себе и легонько похлопал по спине:

— Мужчины не плачут из-за пустяков.

Чи Шэнь уткнулся лицом в его плечо, сглатывая слёзы и не в силах вымолвить ни слова.

Сян Тянью посуровел. Поколебавшись, он всё же решил сказать правду:

— Ты уже принял Дао Создания, теперь пути назад нет. Нам суждено уйти на Континент Высшего Истока, и тогда мы окажемся в разных мирах. По-настоящему.

Видя, что Чи Шэнь по-прежнему молчит, он мягко добавил:

— Ну всё, всё. Как закончим с источником в горах Цаньшань, сразу вернёмся в твою деревню. Даже с моей помощью тебе понадобится года четыре или пять, чтобы достичь стадии Великого Совершенства Врожденного уровня. Время ещё есть.

Чи Шэнь чуть повернул голову и глухо спросил:

— Когда придёт срок уходить... как я им всё объясню?

— Что тут объяснять? Сокровенное мастерство не терпит затворничества, нужно путешествовать, познавать мир. Со временем они привыкнут к твоим долгим отлучкам, а там и правда раскроется постепенно, так им будет легче.

Чи Шэнь понимал, что это лишь слова утешения, но иного выхода не видел.

«Остаётся только так, — подумал он. — А когда буду странствовать с братом, стану привозить им всякие диковинки в подарок».

Восьмого августа над горой Цаньшань в небеса ударили всполохи радужного света. Сян Тянью подхватил Чи Шэня в седло, Дао Цзун ехал рядом. Остальные пятеро из поместья Сян не отставали. Семь лошадей, поднимая столбы пыли, неслись к месту появления легендарного источника.

Уже за городом Сян Тяньчун пришпорил коня, поравнявшись с Тянью.

— Пятый брат, ты действительно берёшь Шестого с собой? — вполголоса спросил он. Заметив утвердительный кивок, он нахмурился: — Его основы слишком слабы. В схватке он беззащитен, как он там выживет?

Тянью весело рассмеялся:

— Гора Цаньшань — не логово дракона. С чего бы ему не справиться? Пока я рядом, с ним ничего не случится. Как и с вами — я обещал отцу, что присмотрю за всеми.

Видя уверенность брата и смутно догадываясь о его истинной силе, Тяньчун не стал спорить. Он чуть придержал поводья, пропуская Тянью вперёд.

Через полчаса они достигли подножия. Дороги перекрыли солдаты, вглубь пускали лишь избранных. Тянью достал Знак Прорыва — тот самый, что У Юнь отдал в счёт «платы за вино». Начальник стражи, признавая только жетоны, преградил путь Дао Цзуну:

— Господин, этот почтенный старец и юноша на лошади должны подождать снаружи.

Тянью не стал тратить время на споры и громко крикнул:

— Третий принц! Сян Тянью прибыл!

Сян Тяньчун невольно напрягся, про себя отметив: «Даже не упомянул ни отца, ни титул поместья. Какая спесь!»

Однако из оцепления тут же выбежал слуга в дворцовых одеждах.

— Третий Его Высочество приглашает молодого господина Сян Тянью и его спутников внутрь.

Начальник стражи, не выказав ни капли смущения, сложил руки в приветствии и приказал своим людям расступиться.

За поворотом сияние стало почти ослепительным. Перед ними открылся вход в пещеру высотой в три чжана, затянутый переливающейся радужной плёнкой. Шестнадцать человек из

императорской свиты уже ждали у входа. В первом ряду стояли четверо мужчин и две женщины — в простых одеждах, но с осанкой, выдававшей в них мастеров. Позади застыли десять охранников в чёрном — суровые, неподвижные, словно изваяния.

Вслед за Тянью подтянулись ещё два десятка человек из других кланов, заняв места согласно своим рангам. Все замерли в ожидании. В час Змеи радужная преграда начала тускнеть и наконец исчезла. Поток густой энергии, смешанной с запахом сырости и древности, вырвался из зева пещеры, словно волна, заставив присутствующих вздрогнуть от холода.

Дунмэнь Чжан просиял. Его голос, наполненный внутренней силой, разнёсся по лесу:

— Всем слушать приказ! Входить в источник строго по рангам. Нарушителей — карать на месте общими силами. Чёрная десятка, за мной!

Императорская группа слаженно двинулась вглубь. Через несколько минут пришёл черёд группы Сян Тянью. На присутствие старика и ребёнка, которых пропустил сам Третий принц, многие косились с недовольством, но возразить никто не посмел.

Едва Чи Шэнь перешагнул порог пещеры, как его пробрал резкий холод — разительный контраст с летним зноем снаружи. Тянью тут же вложил ему в рот золотистую пилюлю, приготовленную из Каменного цветка. Мальчик уже принимал такие раньше, но в этот раз вместо привычного изнуряющего жара он ощутил лишь мягкое, обволакивающее тепло, наполнившее всё тело приятным комфортом.

<http://bllate.org/book/17417/1658808>